

Великолепный литератор Чуковский

Моск. привоз. - 1998 г. - ч. 1. - с. 5.

1. «Я ненавижу безделье...»

Малоформатный томик Чуковского, подаренный на память в середине 60-х. Стихи. Подписывая, Корней Иванович хотел отметить разницу в возрасте между автором и читателем. Написал: «От Корнея Чуковского» - и затем в скобках: «род. в 1...» Тут его рука, по многолетней привычке человека, живущего в XX веке, начертила вместо восьмерки девятку, и он вынужден был докруглить хвостик до конца, чтобы все-таки вышла восьмерка, хотя и кривоватая. Трогательная описка во второй, означающей столетие, цифре! Его волосы сияли седой, но как было датировать 1882 годом рождения его насмешливые глаза, жизнерадостность, мальчишеское озорство, ехидство, остроту суждений, его энергичную преданность литературе, поэзии!

Роден, скульптор, сказал про людей искусства: «Художник подает великий пример. Он страстно любит свою профессию: самая высшая награда для него - радость творчества. К сожалению, в наше время многие презирают, ненавидят свою работу. Но мир будет счастлив только тогда, когда у каждого человека будет душа художника, иначе говоря, когда каждый будет находить радость в своем труде».

Чуковский был из тех, кто подает великий пример. Ежевечерне в девять ложился спать и однажды сочинил лукавое объявление для посетителей переделкинской дачи: «Дорогие гости! Если бы хозяин этого дома даже умолял вас остаться дольше девяти часов вечера - не соглашайтесь!»

Это поздние его годы, он знал настоящую цену отпущенного времени. А вот запись 1922 года: «Вчера было рождение Мурочки (двухлетней, умершей вскоре - в 1931 году - дочери Марии. - В.П.) - день для меня светлый, но загрязненный гостями. Отвратительно. Я ненавижу безделье в столь организованной форме (...) я боялся только одного: как бы не пришел еще один гость и не принес ей еще одного слона».

В 1922-м он был в расцвете сил... Признание неполное: он ненавидел безделье в любом виде. Организованное и неорганизованное.

В пять утра, может, с минутами, сметая сор или снег у дома, уже сидел за письменным столом, скрипел перышком (на машинке не печатал). Экономил бумагу: черновики писал на обороте третьего, крест-накрест переречнутого экземпляра опубликованной статьи. Не играл в азартные игры. Не пил. Не любил говорить по телефону. На-

зывал себя рабочей машиной и свободные от трудов часы считал пропащими. Не выпускал из рук книгу, над которой трудился, пока не был уверен: лучше уж написать не в силах. В сказочке «Муха-Цокотуха» он прославил «лихого, удалого, молодого Комара» и сам по своей ребячливой природе сумасбродства не чурался («Бутерброд, сумасброд, не ходи из ворот...»), но слова героическая дисциплина выражают его образ жизни гораздо точнее, чем геройская удалость.

Между тем он не сотворил ни своего «Ивана Денисовича», ни своего «Василия Теркина». Ни своего «Оливера Твиста». Его почти единственная проза - автобиографическая повесть для детей «Серебряный герб» - довольно бесцветна и ни в какое сравнение не идет, например, с «Детством Темы» или с «Швамбранией». Как постепенно выяснилось, «Айболит» - это пересказ американца Гью Лофтинга, а не оригинальное сочинение.

10 сентября 1964 года Чуковский задумался над тем, что будет в его доме после его смерти. Кто-то скажет: «Эту дорожку в саду провели еще при Корнее Ивановиче». Ему возражат: «Нет, через год». А те, что станут прохаживаться по улице, обменяются репликами: «Вот на этом балконе сидел всегда Маршак... - Какой Маршак? Чуковский!» А дальше что? «...Вдруг откроют, что я был ничтожный, сильно раздутый писатель (как оно и есть на самом деле) - и меня поставят на полочку».

Собственно говоря, писателем он не был - то есть не умел сочинять романы и рассказы. Поэтом его тоже не назовешь, он был только детским стихотворцем. И может вызывать недоумение, почему именно у него в Переделкине музей, а по соседству, в хиреющем доме, где жил писатель Катаев (какой писатель, это другой вопрос), нет даже мемориальной доски. И никто не заглядывает в бывший кабинет Валентина Петровича, где стоят его ступ и стол. И лежит перо, которым написаны «Святой колодец» и «Трава забвения».

Про Чуковского надо сказать по-другому.

Ему - критику и литературоведу-текстологу, ему - переводчику, ему - детскому стихотворцу, ему - языковеду - более всего подходит простое и честное - **литератор**. К этому слову я приложил бы эпитет **великолепный**.

Великолепный литератор Чуковский был продолжателем гуманистических традиций и идеалов классической литературы. Однажды к нему пришел прозаик Елизар Мильцев. Полтора часа рассказывал о встрече писателем с руководством МГК КПСС. С тогдашним первым секретарем Егорычевым. Был, по словам Чуковского, страшно взвол-

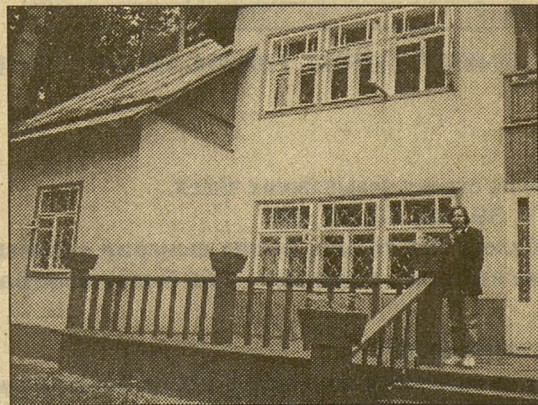
нован, потрясен. Хихикал, вскрикивал. Чуковский недоумевал: «Я слушаю и думаю: при чем же здесь литература? Дело литераторов - не знать этих чиновников, забыть о их существовании - только тогда можно оста-

таться наследниками Белинского, Тютчева, Герцена, Чехова. Почему между мною и Чеховым должен стоять запуганный и в то же время нагловатый чиновник. Я микроскопический, недостойный, но несомненный наследник Чеховых, Тургеневых, Куприна, Бунина, а целыми днями думаю о них, о своих законных предках, а не о каких-то невежественных и бездарных Егорычевых» (1964).

На тех же страницах выражена политическая суть советского времени. Было бы нелепым преувеличением утверждать, что другие не понимали того, что понимал Чуковский. Но он сформулировал это с особой ясностью, простотой. Запись 17 сентября 1968 года: «С моими книгами - худо. «Библию» (пересказ библейских мифов для детей. - В.П.) задержали, хотя она вся отпечатана (50.000 экз.). «Чукоккалу» задержали. Шестой том урезали, выбросив лучшие статьи, из оставшихся статей выбросили лучшие места. «Высокое искусство» лежит с мая, т.к. требуют, чтобы я выбросил о Солженицыне. Я оравнодушил, хотя больно к концу жизни видеть, что все мечты Белинских, Герценов, Чернышевских, Некрасовых, бесчисленных народовольцев, социал-демократов и т.д., и т.д. обмануты - и тот социальный рай, ради которого они готовы были умереть - оказался разгулом бесправия и полицейщины». (Подчеркнуто мной. - В.П.).

Фальшивая мерзостная жизнь угнетала Чуковского. За десятилетия, прожитые при советской власти, он так и не перенес к тому, что люди «оболванены при помощи газет, радио и теле на один салтык, и можно наперед знать, что они скажут по любому поводу. Не люди, а мебель - гарнитур кресел, стульев и т.д. Когда-то Щедрин и Козьма Прутков смеялись над проектом о введении в России единомыслия - теперь этот проект осуществлен; у всех одинаковый казенный метод мышления, яркие индивидуальности - стали величайшей редкостью!». (1969.)

Противопоставляя себя чиновнику, облеченному властью, Чу-

ковский употребил выражение «законные предки».

Это не случайно.

Николай Корнейчуков - таковы его настоящие имя и фамилия - внебрачный ребенок, знал только свою мать - украинскую крестьянку (уроженку Полтавской губернии), из фамилии которой сделал себе псевдоним Корней Чуковский. Его детские годы, юность определялись сиротством и тоской, драмой «байструка»: «...А в документах страшные слова: сын крестьянки, девицы такой-то. Я этих документов до того боялся, что сам никогда их не читал. Страшно было увидеть глазами эти слова. Помню, каким позорным клеймом, издательством показались мне аттестат Маруси-сестры...» Там не было отчества! «...И это пронзило меня стыдом. «Мы - не как все люди, мы хуже, мы самые низкие» - и, когда дети говорили о своих отцах, дедах, бабках, я только краснел, мялся, лгал, путал (...). Особенно мучительно было мне в 16 - 17 лет, когда молодых людей начинают вместо простого имени называть именем-отчеством».

Он был исключен из пятого класса гимназии в Одессе: не потому что не успевал или нахулиганил, а потому что учебные заведения по специальному указу «очищали» от детей «низкого» происхождения.

Иногда он чувствовал себя незадачливым героем Диккенса: каким-то смешным, жалким. В то же время забавно-живописным. Говорил: живу, смеюсь, бегаю, да поможешь мне диккенсовский Бог, тот великий юморист, который сидит на диккенсовском небе.

Он сделал себя сам. Ежедневным мучительно-радостным трудом. Непосильной работой, преодолевающей непреодолимые комплексы. «Байструк» стал несомненным наследником Чеховых, Тургеневых, Куприна, Бунина.

Это и есть его законные предки. Обзавидуйтесь!

Владимир ПРИХОДЬКО.
На снимке: дом-музей Чуковского.

Фото автора.

Окончание следует.